

И. М. Авдей (Минск)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

О межкультурной коммуникации уже сказано и написано много. Этот термин наделен огромным значением. Он включает в себя такие аспекты, как владение иностранным языком как средством общения, знания о культурно-исторических особенностях страны изучаемого языка, знания о характере самих носителей иностранного языка и их картине мира. И, возможно, поэтому специальность «иностранные языки» теперь заменяют на специальность «иностранный язык и МКК», предполагая готовить специалистов, не только свободно владеющих иностранным языком, но и обладающих достаточными для эффективного общения лингвокультурологическими знаниями.

Цель любого общения – передача информации, достижение понимания между собеседниками. Когда речь идет о знакомых обоим коммуникантам фактах, проблем не возникает. Трудности появляются, когда необходимо объяснить иностранцу такие культурные реалии, как «*балалайка*», «*Баба-Яга*», «*червонцы*». Это лингвокультуремы, т.е. слова, по определению В. В. Воробьева, с национально-культурным значением. Нам приходилось наблюдать, как у итальянской студентки, изучающей русский язык, при чтении Акунина на итальянском языке вызвали непонимание некоторые лингвокультуремы, обозначающие религиозные праздники и национальный быт, так как отсутствовали необходимые сноски. Несмотря на то, что такие слова, как *матрешка*, *балалайка*, *самовар* вошли в словарный состав многих иностранных языков, для некоторых носителей этих языков они остаются неизвестными и продолжают вызывать непонимание, особенно при чтении иностранной литературы.

Перевод является одним из видов МКК, своего рода транскультурной деятельностью, которая реализуется при помощи языка, но не ограничивается языковой эквивалентностью. Переводчик должен проникнуть в глубину культуры как иностранной, так и своей, чтобы в меру передать культурную информацию, отраженную в исходном тексте (ИТ). При переводе лингвокультурем переводчику следует придерживаться принципа стимулирования культурной коммуникации, учтя фоновые знания читателей переводного текста. Переводчик как посредник в межкультурной коммуникации должен сохранить как можно больше культурных концептов, хотя на практике нельзя сохранить всю культурную информацию ИТ.

Чтобы достичь полного взаимопонимания народов, требуется немало времени. Перевод, с одной стороны, должен принять межкультурную коммуникацию как свою задачу, а с другой стороны, в переводе базой успешной трансляции лингвокультурем ИТ служат все результаты разных видов межкультурной коммуникации, включая прежде выполненные переводы.

Одним из самых сложных моментов перевода является прежде всего передача национально-культурной специфики оригинала. Национальное – это в первую очередь сам язык и его экзотизмы (т.е. наименования специфических орудий труда, вещей, собственных имен), а культурное – это языковые образы в их соотношении с характерными (а точнее – уникальными) для данного этноса ситуациями, историческими событиями и т.д.

Эта сложность объясняется отсутствием в переводящем языке соответствия, так как у носителей этого языка нет обозначаемого объекта, и необходимостью, наряду с предметным значением слова, передать и колорит – его национальную и историческую окраску. Переводчик в каждом отдельном случае, опираясь на свой опыт, фоновые знания, контекстуальную обстановку, выбирает наиболее подходящий путь.

Национально-культурная специфика текста реализуется через лингвокультуремы. В группу лингвокультурем с национально-культурной семантикой входят безэквивалентная лексика, афористика, фразеологизмы, поговорки, поговорки, которые аккумулируют в себе народную мудрость.

Основные трудности при переводе данной лексики следующие: отсутствие в переводящем языке соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого объекта и необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) слова, передать и колорит (коннотацию) – его национальную и историческую окраску. Переводчик, учитывая общие теоретические положения и опираясь на владение языками, на фоновые знания, на свой опыт и чутье, но, в первую очередь, на контекстуальную обстановку, в каждом отдельном случае выбирает наиболее подходящий, иногда единственно возможный путь.

Вот несколько примеров преревода лингвокультурем из произведений А. С. Пушкина на итальянский язык.

«*Принялся я было за неподслащенную наливку, но от неё болела у меня голова...*». Переводчик передает лингвокультурему «наливка» как *liquore*, что не соответствует оригиналу. *Наливка* – род вина – сладкая настойка на фруктах и ягодах [Ожегов 1999]. Расхождения в значениях между исходным словом и итальянским переводом заключаются, во-первых, в том, что *наливка* и *ликёр* изготавливаются разными способами, а во-вторых, *наливка* – это сладкий напиток, *ликёр* содержит большое количество алкоголя. Переводчик допускает неточность, сравнивая (в сноске) наливку с водкой.

«*До обеда кое-как ещё дотягивал я время, толкуя со старостой, разъезжая по работам или обходя новые заведения...*». Для итальянской действительности такая реалия, как «староста», не характерна. Поэтому переводчик использует транслитерацию и делает сноску: *Starosta. Nel mondo slavo, lanziano, persona eletta per amministrare una comunita rurale o urbana.*

Староста. В славянских странах; пожилой человек, выбранный управлять сельским или городским обществом.

«В *** не было ни одного *открытого дома*, ни одной *невесты*; мы собирались друг у друга, где, кроме своих мундиров, не видели ничего». *Открытый дом*. Эта лингвокультура имеет следующее культурное значение. Раньше открытыми домами называли дома, где имелись невесты. Съезжалось много гостей, молодых людей, танцевали, разговаривали, знакомились. Переводчик же делает кальку *casa aperta*, которая в итальянском языке не имеет данной коннотации, лишая, таким образом, итальянского читателя знакомства с важной особенностью русской культуры того времени.

«*Изредка тянулся ванька на своей тощей кляче, высматривая запоздалого седока*». В переводе мы видим вместо «*ваньки*» простого «*извозчика*» – «*vetturino*», т. е. используется принцип родо-видовой замены. Значение слова «*vetturino*» шире значения слова «*ванька*». Переводчик пытается приблизить перевод к оригиналу, используя уменьшительно-ласкательный суффикс -ino, но тем не менее дистанция между значениями существует. К тому же происхождение русской реалии идет от наиболее распространенного русского имени, что итальянскому читателю остаётся неизвестным.

Сравнительный анализ лингвокультурем оригинала и перевода текстов Пушкина показал, что не всегда переводчик точно выбирал эквивалент русской реалии. Возможно, в некоторых случаях Эльза Маччочичко (переводчик) не хотела перегружать переводной текст незнакомой лексикой. Но тогда итальянский перевод не соответствует значению русской реалии, что говорит о недостаточно хорошем знакомстве с русской культурой. Поэтому для межкультурной коммуникации важно условие: не только свободно владеть иностранным языком, но и иметь достаточный для эффективного перевода запас фоновых знаний.

А. Г. Алфёрова (Минск)

МОУНАЯ АКТУАЛІЗАЦЫЯ АНТРАПАМОРФНАГА Ў МЕТАФАРЫСТЫЦЫ СЛАВЯНСКІХ ЗАГАДАК

Адной з характэрных асаблівасцей загадак з’яўляецца, як заўважыў Я. М. Касьян, «пераўтвараць тое, што з’яўляецца мёртвым, у жывое» [Касьян 1983, с. 21]. Сапраўды, часта ў загадках неадушаўлены аб’ект загадвання пераўтвараецца ў жывы. Той жа даследчык адзначае ніжэй, што ў 60% тэкстаў неадушаўленыя аб’екты выступаюць праз антрапаморфныя.

Трэба адзначыць, што тэндэнцыя да антрапамарфізацыі прасочваецца ва ўсіх славянскіх народаў. В. М. Фрэйдэнберг вылучае асобна эпоху антрапаморфнасці (следам за перыядам зааморфнасці) і звязвае яе з перыядам родавага грамадства. Тлумачэнне ўзнікнення падобных метафар наступнае: «Пазнавальны свет і чалавек, які яго пазнае, злітыя. Усё чалавечая ўяўляецца знешнім светам. Знешні свет уяўляецца ў выглядзе людзей» [Фрэйденберг 1978, с. 25].

Некаторыя даследчыкі лічаць выкарыстанне антрапаморфных вобразаў у загадках выпадковымі і адвольнымі. Аднак даследчыца Т. В. Цыўян прычыць выказванням такога тыпу, адзначаючы, што «і замена загадваемага аб’екта “адвольным і абьякавым”, у тым ліку імем асабовым, і спіс замен <...> настойліва падводзяць да таго, каб шукаць пэўны агульны апэратар семантычнай сувязі пытання і адказу» [Загадка как текст 1994, с. 181]. Аўтар нават ўводзіць спецыяльны тэрмін – «апэратар пераўтварэнняў» і прыводзіць ніжэй прыклады антрапаморфных метафарычных вобразаў: «*Бог, Хрыстос <...> Баба Яга, Каічэй <...> мужык, баба, хлопец, дзеўка, хлопчык і г.д.*» [с. 190]. Вылучым наступныя групы паводле спосабу моўнай актуалізацыі антрапаморфнага: 1) рэпрэзентацыя аб’ектаў загадвання праз канкрэтны антрапаморфны вобраз (згодна з полам, становішчам у грамадстве); 2) рэпрэзентацыя аб’екта загадвання праз дзеянні чалавека; 3) рэпрэзентацыя аб’екта загадвання праз часткі цела чалавека; 4) рэпрэзентацыя аб’екта загадвання праз апавяданне ад першай асобы.

Першая група з’яўляецца найбольш разнастайнай, бо ў ёй рэальныя аб’екты замяшчаюцца не толькі асобамі рознага полу, узросту і пасады, але ў адной загадцы могуць быць узгаданы на сваяцкія адносіны паміж суб’ектамі. Пры гэтым адушаўленыя метафарычныя вобразы звязаны з аб’ектам мастацкага ўвасаблення праз вызначальныя прыметы і дзеянні, агульныя для абодвух. Напрыклад, неба ў сукупнасці з зямлёй, ветрам і ноччу выступае як бацька (зямля, адпаведна, як маці, вецер і ноч – як іх дзеці): «*Wysoki tataka, niziatka matka, syn sowizdrzał, córka ślepotka*» [Folfański 1975, № 586]. Аналагічная загадка існуе ва ўкраінскім зборніку з некаторымі адрозненнямі: «*Батько високий, нянька низенька, брат кучерявий, сестра сліпенька. Небо, земля, дим, ніч*» [Березовський 1962, № 4246]. Як відавочна з загадкі, замяшчальныя вобразы размеркаваны ў іерархічным парадку, пачынаючы з главы сям’і і заканчваючы дачкой. Кожная “асоба” надзелена сваёй вызначальнай рысай. Бацька высокі, а гэта галоўны атрыбут неба, зямля (жаночы пачатак) у параўнанні з мужам знаходзіцца на ніжэйшым узроўні. У загадцы відавочны адгалосак міфа пра шлюб зямлі і неба. У рускім і беларускім зборніках можна знайсці загадкі таго ж кшталту, але ў раздзеле «Хатняе начынне» без прамежкавага звяна “аб’ект загадвання – бацька”: «*Мать толста. Дочь красна, Сын (внук) храбер, В поднебесье ушел*» [Садовников 2004, № 149]; «*Маці таўстуха, дачка рыжуха, а сын перабор паляцеў на двор*» [Гурскі 2004, № 2145]. Тым не менш механізм загадвання аднолькавы ва ўсіх выпадках. Узгаданне на сваяцкія адносіны можа вынікаць і з апісання ў вобразнай частцы загадкі рэчаў, якімі валодаюць аб’екты. Напрыклад, у беларускай загадцы зямля выступае як «матчына скрыня», дарога – «дочкіная трубка», вецер – «братніны конік» [Гурскі 2004, № 89]. У зборніку В. В. Мітрафанавай знаходзім тэкст падобнага тыпу: «*Отцова сундука не поднимешь, матушкина столешника не скатаешь, братнина коня не обуздаешь*» [Митрофанова